

Соб. интв. - 1990, - 8 - 14 февр. - С. 6.

АЛЕКСАНДР
КУЗНЕЦОВ:
«НЕ
БОЙТЕСЬ
СЖИГАТЬ
МОСТЫ!»

НЕСКОЛЬКО ЛЕТ НАЗАД его, словно в шутку, представили мне, как сотрудника нашей редакции. Той самой, о которой теперь в объединении принято вспоминать с особым умилением.

Время от времени в «Союзгосцирке» появляются работники, явно не вписывающиеся в заданную схему. Это так называемые «легкотрудики» — артисты, перенесшие травму или другое заболевание. Больными они уже фактически не являются, но и к своей работе пока приступить не могут. Александр Кузнецов был откомандирован «на легкий труд» в редакцию.

С тех пор я встречала его за кулисами московских цирков и в коридорах главка, на репетициях и прогонах. Можно было держать пари: если в цирке что-то происходит, Кузнецов обязательно придет, вернее приедет на своей выдавшей виды старенькой «Волге».

Вскоре я обнаружила, что смотреть цирковое представление, одобренное его комментариями, необычайно интересно. Он живо откликался на любую ситуацию в манеже — переживал, если артист недотянул, и радовался, когда сложный элемент был выполнен без осечки. Особенно подкупало то, что профессиональные знания не убили в нем непосредственной реакции зрителя. В его оценках не было зависти или ехидства, но всегда проглядывало уважение к труду коллег.

На вопросы о том, чем он занимается, Александр добродушно сообщал, что собирает автомобиль. «А что еще делать пенсионеру?» — лукаво спрашивал он. И, не дожидаясь ответа, будто поддразнивал: «Все о'кей. Пока стоит такая погода, грех работать. Лучше поваляться на пляже в Серебряном бору. А раз в месяц окошко кассы для меня открыто».

Но, несмотря на веселый тон собеседника, в глубине души у меня щемило. А на языке вертелись неуместные вопросы: Как же так? Почему полный энергии, желания творить, молодой человек (в цирке пенсионером можно стать, лишь перешагнув рубеж тридцати), не находит места в родной организации? К тому же Кузнецов — ведущий артист в своем жанре, один из первых лауреатов премии Ленинского комсомола, заслуженный артист РСФСР.

И каждый раз что-то останавливало, мешало разрушить созданный им имидж беззаботного, довольного судьбой человека. Да и по какому праву, вот так, с бухты-баракты, лезть в чужую душу? Сочувствие, советы — ему без надобности. А помощь? Она должна была исходить из начальственных кабинетов. Но там его не слышали, да и не видели в толпе страждущих.

Не каждый способен вынести подобное испытание. Кто-то приспосабливается, находит лазейки в неприступном, на первый взгляд, главке. Но не перевелись еще натуры гордые, знающие, чего стоят, не умеющие гнуть спину. Сколько их сломалось! Да, они продолжали по привычке работать, но в душе их погас огонек надежды, без которого нет мастера.

Кузнецов решил сохранить себя. Пусть такой дорогой ценой — расставшись с любимым делом. Он верил, что главное — не дать себя оболванить, не позволить затоптать истинные добродетели, променяв их на «красивую» жизнь.

Итак, он сжег все мосты. Но мосты, ведущие в главка, а не в цирк. Здесь он по-прежнему был своим. Воздух цирка лечил его, помогал понять, что происходит, набраться сил.

К цирку люди прирастают намертво. Вырваться из его коварного плена — значит на всю жизнь потерять покой, обресть себя на вечные поиски утраченного. Поэтому я не столько удивилась, сколько обрадовалась — наконец-то! Наконец, я увидела его с горящими глазами, без умолку рассказывающего о своем номере.

Вот теперь, когда Александр Кузнецов, подобно чудесной птице Феникс, ожил вновь, мы встретились с ним в редакции.

— **НЕСМОТЯ НА ДАВНЕЕ знакомство, я могу только догадываться о том, что произошло нечто чрезвычайное, что поставило тебя в положение изгоя.**

— У меня есть своя «Иркутская история». Это цепь замкнутых событий, исход которых был предопределен главком. Трагическая развязка была неминуема, но изменить ситуацию я не мог, а «Союзгосцирк» не захотел. И как следствие — травма, полгода в Боткинской. Год не работал, а потом выяснилось, что мои знания, опыт не нужны «Союзгосцирку». Впрочем, мне посчастливилось принимать посильное участие в создании нашей газеты. И сейчас я понимаю, как много мне это дало.

— **Известно, что цирковые артисты не любят распространяться о своих травмах, считая их частью работы. И все же, когда болезнь выбивает из привычного ритма, отрывает от близких, оставляя наедине со своими мыслями, многое переоцениваешь.**

— Пережив то, что мне было отмерено судьбой, я, естественно, стал ко многому относиться иначе. Было время покопаться в себе, оглядеться вокруг. И понял: если человек — художник, все в его душе когда-нибудь восстанет против насилия над творчеством. Единственное средство протеста в этом случае — выйти из игры.

— **И все-таки, наверное, были попытки вернуться на манеж. Двадцать лет зачеркнуть сразу невозможно!**

— Попытки были. Но безрезультатные. Я человек отходчивый и через какое-то время вновь и вновь предлагал свои услуги «Союзгосцирку».

— Хотите, сделаю номер «Икарские игры на лошадях»? — спросил я одного из бывших руководителей объединения.

— Конечно, — воскликнул он, — этого никогда не было!

— Положим, было. Но работа интересная, и я готов взяться за нее, лишь с одним условием.

— **Какое условие? — без прежней радости поинтересовался руководитель.**

— Я буду заниматься только творчеством. Я берусь подготовить артистов. Для работы в необычных условиях я уже придумал новый тип панно, специальную лонжу...

Дальше можно было не продолжать. Такой вариант их не устраивал.

— **Как же тогда рождаются новые номера? Ведь этот процесс, несмотря ни на что, происходит!**

— Именно, несмотря ни на что. Или, точнее, вопреки всему. Происходит вот что. Возникает ситуация, когда артист понимает, что волею обстоятельств он прижат к стенке. Соответственно, если он боец, отчаянное положение заставляет искать выход. Необходимо новая идея, на поиски которой уходят годы. Наконец, найдено свое. Преодолевая бесконечное количество препятствий, он продвигается наверх. Вот на таком принципе последнее время делаются наши достижения.

— **Значит, бороться и продираться ты не стал, поняв, что это бесполезно для дела.**

— Сколько можно бороться! У моей мамы есть замечательное выражение: «Работать на Ивана Ветрова». Вот и до меня, когда я лежал в больнице, дошло, что работал я впустую, в ничто, в никуда.

— **Постой, а как же успех, признание!**

— Лет десять назад один старый именитый артист сказал мне: «У тебя, Сашка — «золотые ноги!» А уж он разбирался в этом. Его похвала дорого стоит. Она повыше всяких официальных званий. А что толку! Я в то время не мог прокормить семью. Творческая жизнь артиста цирка коротка. И его желание получить все, чего он заслуживает в расцвете сил, когда он имеет на это право, естественно. Иначе зачем все усилил?

— **Но ты упорно продолжал доказывать, на что способен!**

— Иначе не мог! Скучно топтаться на месте. Каждые четыре-пять лет номер разрушался и создавался вновь. Так, в последнем варианте мне удалось выпустить ханд-вольтиж в ногах, что стало очередным новым направлением в развитии жанра. Но этого не заметили. Или сделали вид. А впрочем, в этот момент в главке была такая кадровая чехарда...

— **Кому же, как не тебе, признанному артисту, руководителю номера, бороться за свои права!**

— Руководитель номера! Отняв у нас власть и оставив обязанности, главк постарался укрепить свои позиции.

— **К чему привела эта акция!**

— В первую очередь, это ударило по групповым номерам.

А почему? Руководитель превратился в пешку в руках аппаратчиков. Благодаря их усилиям возвращено новое поколение руководителей-администраторов, а не творцов.

— **А как было раньше!**

— Лет тридцать назад руководитель номера, и только он, приходил в управление

и решал все вопросы. Именно он был вправе вести все переговоры, касающиеся работы всего коллектива. И если руководитель говорил, что он не будет работать с таким-то артистом, ему шли навстречу. Сегодня любой партнер старается найти себе покровителя в «Союзгосцирке», и все в порядке.

— **Это сказалось на творческом составе системы!**

— Еще как! Именно этим я объясняю появление в среде артистов целой армии иждивенцев-авантюристов, которые могут жить припеваючи. Это продукт системы!

— **В цирке вы все как на ладони. И каждый знает, кто есть кто. Почему же иждивенцев, существующих за счет труда артистов, невозможно убрать из конвейера!**

— А кто возьмется за это? Аттестационная комиссия пробовала. Не вышло. Вот и кочуют они по бесконечному конвейеру из города в город, из номера в номер. А если повезет, то и за рубеж проскакивают. Мало того, этот балласт еще и навязывают!

— **То есть как!**

— Очень просто. Бывало так, что при обновлении состава номера руководителю говорили: «Возьмешь Петрова и Сидорова». «Но они же ни к чему не способны», — пытался возразить он. «Ничего не знаем, нам некуда их девать!»

К великой радости сегодня положение изменилось к лучшему.

— **И в твоём номере были «дети главка»!**

— Да, был один. Я долго не мог от него избавиться. Но дело не в нем. Дело в системе, позволяющей таким, как он, спокойно захребетничать. В «Союзгосцирке» созданы сложнейшие условия для творчества и великолепные для паразитирования.

— **Какой же выход!**

— Артист должен стать независимым. Он должен иметь право продавать свой труд. А сегодня нас всех под одну гребенку уравнивали.

— **Как ты относишься к возможностям перехода цирка в республиканское и даже городское подчинение!**

— Ничего страшного в этом не вижу. Как только цирки получат самостоятельность и не будут зависеть от главка, директора наконец-то почувствуют себя настоящими хозяевами.

— **А выигрывает ли от этого артист!**

— Если бы я показывал зрителям пятнадцатую копию, очевидно, я бы проиграл. Но мне это не грозит — я располагаю оригиналом. Значит, могу требовать и соответствующих городов, и надлежащей оплаты.

— **Итак, ты вновь возвращаешься в актерское братство! Как ты относишься к минувшим годам вынужденного простоя!**

— Прежде всего, я не считаю эти пять лет потерянными. Я открывал неизвестное, примерял на себя новые роли — ведь я артист! Многие перепробовал. Пытался даже писать. Конечно, о том, что лучше всего знаю: о цирке, о его людях, о той атмосфере, в которую уходят безвозвратно. Один из героев моего рассказа, старый актер, размышляет: «Вот связали номера и назвали их спектаклями, а праздника-то нет!»

Да, не стало в цирке праздника. И это я понял, когда оказался по ту сторону барьера — в зрительном зале.

— **Тебя это расстроило! Как никак большую часть жизни ты отдал манежу.**

— Для меня это не было неожиданностью. Я начал искать причину. И все оказалось просто. Как и любое другое искусство, цирк держится на личности. Если ее нет, на манеж смотреть скучно, что бы там не вытворяли.

— **Но артист всегда был для нас, зрителей, личностью, причем необыкновенной.**

— Когда в 60-е годы я пришел в цирк, то в полной мере ощутил это на себе. Тогдашний цирк был еще окутан романтическим флером. Нам, артистам, завидовали, считали нас людьми особыми. Сейчас все это, к сожалению, утрачено. Думаю, что ностальгия по цирку моей юности и заставила меня вернуться.

— **Что привело тебя в Московскую дирекцию коллективов «Цирк на сцене»! Наверное, другие организации охотно приютили бы «бедного» артиста.**

— Предложения были разные. Я долго не решался пойти под какое-то начальство... Конечно, знал о том, как много необычных номеров рождается в Дирекциях «Цирк на сцене». Достаточно вспомнить А. Николаева, С. Трешину, В. Акишину. Знал, что многие артисты находили там свое пристанище.

Я понял сразу, что могу здесь заниматься тем, что мне интересно. Здесь, как ни странно, в какой-то степени сохранилась романтика нашей профессии.

Вот, пожалуй, и все. Еще одна судьба, еще один «выпавший из циркового гнезда». Сколько их потеряно для цирка. И все лучшее. Одержимые, бескорыстно преданные делу, они не выносят гнета системы... А бюрократический молох алчно ждет новых жертвоприношений.

Вера УХАРОВА.

Фото Григория ПОЛЯКА.